

УДК 94(47).073+908

К вопросу о становлении общинной карьеры Авраама Луцкого в 30-х годах XIX века

Максим Игоревич Гаммал

Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-0441-8303

Старший преподаватель

Институт стран Азии и Африки

Московского государственного университета

им. М. В. Ломоносова, кафедра иудаики

125009, г. Москва, ул. Моховая, стр. 1

Тел.: +7(495) 629-42-84

E-mail: max_hammal@yahoo.com

DOI: 10.31168/2658-3356.2022.3

Аннотация. Настоящая статья представляет собой попытку уточнить обстоятельства становления общинной карьеры Авраама Луцкого (1792–1855), ведущего галахического авторитета караимов Крыма второй трети XIX века. Его положение в караимской общине для стороннего наблюдателя было парадоксальным: не занимая никаких официальных постов в общине Евпатории, центральной на тот момент караимской общине региона, он обладал значительной властью и авторитетом, уступая в степени влияния на общинную жизнь лишь первому главе Караим-

ского духовного правления Симхе Соломоновичу Бабовичу (1790–1855). Данный в статье исторический анализ литературы биографического характера и архивных документов, имеющих отношение к Аврааму Луцкому, позволяет выделить узловые моменты его карьеры, понять «формулу успеха».

Ключевые слова: Крым, караимы, караимская община, традиционное образование, Авраам Луцкий

Судьба луцких караимских интеллектуалов в Крыму в первой половине XIX века — яркий пример того, как изначально маргинальная переселенческая группа сумела добиться успеха в рамках традиционного общества. Конечно, луцкие караимы не были полностью чужими для крымской общины, но в своих возможностях они были куда более ограничены по сравнению с местной элитой, по крайней мере в первые годы своей жизни на полуострове. Их миграция была вызвана новой исторической эпохой, наступившей в истории восточноевропейских караимов; она же помогла им подняться по социальной лестнице в новом для них окружении. Жизнь и судьба луцких мигрантов для последующих поколений стала синонимом образцовой карьеры в общине.

Побудительным мотивом для этой миграции послужили те стесненные экономические обстоятельства, в которых находилась караимская община Луцка, и то, что впервые в своей истории общины Луцка и Крыма оказались в составе одного государства, что значительно упрощало контакты между ними [Гаммал 2013: 270–271]. Первым на такой переезд решился Иосиф-Соломон Луцкий (акроним Яшар) в 1803 году, несмотря на то что он занимал пост хаззана в общине и был членом магистрата в Луцке. Уже 1810-е годы он — один из общепризнанных духовных авторитетов среди караимов Крыма. Его административный и духовный статус в общине укрепляется после того, как в конце 1820-х годов его ученик Симха Бабович становится светским лидером всех общин Крыма, а караимская община Евпатории — центральной общиной региона. В это же время другие «поляки», как зачастую называли луцких мигрантов в Крыму, переселяются в караимские

общины полуострова. Среди них стоит выделить Авраама Фирковича, Мордехая Султанского и Давида Кокизова, которые оказали решающее влияние на традиционную культуру среди крымских караимов в первой половине XIX века. Для них была характерна установка на ученую карьеру и преподавание в общине, с одной стороны, и на экономическое преуспевание, с другой. Уже на рубеже 30–40-х годов XIX века луцкие интеллектуалы в полной мере реализовывают себя в общинах Крыма, став интегральной частью общинного истеблишмента.

Но даже на фоне карьерного роста первого поколения луцких интеллектуалов в Крыму биография Авраама Луцкого (1792–1855), сына Иосифа-Соломона Луцкого, выглядит беспрецедентной. В караимской историографии и мемуарной литературе Авраам Луцкий предстает духовным лидером караимов Крыма второй трети XIX века, во многом не уступающим по своему влиянию всесильному первому гахаму Симхе Бабовичу (1790–1855). Заметим, однако, что до настоящего времени сведения биографического характера об Аврааме Луцком были основаны лишь на двух независимых источниках конца XIX века.

Впервые биография Авраама Луцкого была опубликована во второй части сочинения Исаака Синани «История возникновения и развития караимизма» (1889), которая была посвящена «краткой истории литературной деятельности караимских писателей». Исаак Синани (1833–1890), младший современник Луцкого, который и сам принадлежал к интеллектуальной элите общины Крыма, дает биографию Абен Яшара как вступление к подробному разбору единственной напечатанной работы последнего — галахического сочинения «Иггерет зуг ве-нифрад» («Послание о браке и разводе», 1836). Биография автора должна была подтвердить значимость Луцкого как духовного лидера и, соответственно, правомерность включения его произведения в антологию караимской литературы.

Авраам бен Шеломо Луцкий. Он родился в Луцке и получил духовное образование у отца (Иосифа-Соломона Луцкого. — М. Г.), молодым человеком поселился в Константино-

поле для дальнейшего образования у ученых талмудистов и особенно изучения талмуда. Способный и прилежный к научным занятиям, он настолько обогатился познаниями, что считался величайшим из ученых между единоверцами в первой половине настоящего столетия, а то время не было скудно учеными. Владея большим богатством и зная цену жизни, он любил держать себя самостоятельно, не подчиняться капризам невежественных напредняков¹ общества. Поэтому, когда переехал в Евпаторию, хотя и был избран в духовный сан, но долго не мог прослужить, а потому, отказавшись от духовных обязанностей, учредил учебное заведение для своих единоверцев. <...> Он подготовил нам ученых богословов, достойных духовников и законоучителей, продолжающих и ныне распространять между нами слово Божие. Нужно сознаться, что люди, подобные Ибн Яшар Луцкому, нередко далеко оставляют за собой своих современников и поэтому чувствуют себя одинокими на своем веку. <...> Кроме сего он написал еще несколько научных сочинений и прекрасных стихотворений, которые сохраняются в рукописях. Луцкий умер в Екатеринославе в 1855 году [Синани 1889: 261–262].

Выделим центральные, с точки зрения И. Синани, моменты в биографии Луцкого. Он получил блестящее традиционное образование у своего отца, Иосифа-Соломона Луцкого — духовного лидера караимов Крыма во второй четверти XIX века, и в раввинистических ешивах Стамбула. В караимской общине Евпатории Луцкий держит себя независимо, отказавшись от поста хазана, что в «табели о рангах» того времени соответствовало главе духовного руководства караимов Крыма. Тем не менее он безусловный «властитель дум» караимской общины. Его точка зрения по

---

¹ Автор при переводе на русский язык традиционных терминов на иврите использует современную ему политическую терминологию, так как «напредняки» — это либеральная политическая партия в Сербии, организованная в конце 1870-х годов, известная своим влиянием при дворе сербского короля. В данном контексте это, видимо, вольный перевод термина *гевир* (мн. ч. — *гверим*), что обозначает зажиточных членов еврейской общины, принимавших активное участие в жизни общины, зачастую не занимая в ней никаких официальных постов.

некоторым спорным галахическим вопросам принимается большинством. Главное дело его жизни — это преподавание.

Свой очерк о литературном творчестве Авраама Луцкого И. Синани заканчивает текстом эпитафии, которую сочинил Луцкий, будучи смертельно больным, в Екатеринославе:

Перед смертью он сам составил для своего памятника надпись, следующего содержания: «Я, Авраам ибн Яшар Луцкий, живой и одаренный даром слова, ныне, я мертв. Родился я одиннадцатого числа месяца “тевет” (декабря) в третий день недели лета 5553-го от сотворения мира (1793)². С тех пор я спал и ум мой также не бодрствовал. И снилось мне, что вот я начал расти постепенно, потом начал как бы понимать, что кругом меня совершается. Я стал учиться и понимать, чему меня учат, и по прошествии многих дней я сильно развился умственно и настолько увеличил свою мудрость, что превзошел всех моих школьных товарищей. В этом виде признана была всеми моя зрелость в науках и признано было за мной преимущество над всеми моими современниками. Ко мне стали собираться ученые доучиваться и слушать мое преподавание. Даже из дальних местностей обращались ко мне письменно за разрешением разных научных вопросов. За труды мои Бог наделил меня богатством материальным, и я жил под сенью мудрости и богатства. Дети мои также не обидели меня Господь. Я не жалел ничего от детей моих; я и себе ни в чем не отказывал. Я лелеял и душу свою и ум свой и плоть свою; но в границах приличия и нравственности. Ныне настал всему конец! Пришел срок заснуть сном вечным. Десятый месяц тамуз (июль) лета 5615 от сотворения мира (1855) будучи 68 летнего возраста пробил мой последний час. Кто же отгадает мое сновидение! И се вот! сновидение за сновидением. И в самом деле, жизнь и смерть не одно ли только сновидение» [Синани 1889: 267–268].

Здесь все необычно, все нарушает традицию и свидетельствует об исключительности жизненной позиции автора. Уже само

² Очевидная ошибка автора в переводе даты в христианское летосчисление. Авраам Луцкий родился в декабре 1792 года.

сочинение автоэпитафии было явным отступлением от традиционно принятой нормы. В свою очередь, такая форма предполагает подведение жизненных итогов, что роднит ее с этическим наставлением, хорошо известным традиционным жанром. Центральный мотив — подведение жизненных итогов, дан в духе философского дискурса, когда жизнь представляется в виде череды сновидений, а сама смерть воспринимается как вечный сон. Автор видит свою жизнь как бы со стороны, глазами объективного наблюдателя. Он сознает свое интеллектуальное превосходство над окружающими и ставит себе это в заслугу. Жизненный урок, который должны усвоить следующие поколения — «Я лелеял и душу свою и ум свой и плоть свою; но в границах приличия и нравственности».

Второй независимый источник об Аврааме Луцком — это воспоминания его внука Якова Вениаминовича Дувана (1842–1902), открывающие его автобиографию «Мои детские и юношеские годы», неполный русский перевод которых был напечатан в журнале «Караимская жизнь» [Дуван 1911]. И в этом описании выделяются те же черты личности Авраама Луцкого, которые мы уже отметили у И. Синани: независимая позиция в общине, признание его интеллектуального превосходства окружающими и то, что главным делом своей жизни он рассматривал преподавание. Ценность воспоминаний в том, что они дополняют исторический образ Авраама Луцкого деталями личного характера.

Деда моего, славившегося начитанностью, высоким просвещением и умом, знали далеко за пределами Евпатории. Называли его обыкновенно «хахам», и не было надобности произносить даже его имя и фамилию, ибо всякий знал уже по этому одному титулу, что речь идет о просвещенном Аврааме Луцком. <...> Дед мой Абен-Яшар был похож на патриарха. Высокого роста, мужественный с длинной седой бородой, он внушал всем уважение. Его внушительный и серьезный вид заставлял многих даже бояться его. <...> У деда моего была тогда (в конце 40-х годов XIX века. — М. Г.) высшая школа богословия и древне-библейской ли-

тературы. Его учениками состояли дети богатых караимов. Но Абен-Яшар охотно принимал также и бедных учеников, если подмечал в них охоту к учению и дарование. Он обучал таких учеников безвозмездно, так как располагал к этому возможностью, будучи человеком материально независимым. У него были в Евпатории и Кюстендже дома и амбары, которые он унаследовал от своего тестя, богатого человека и крупного филантропа ребби Шаббетая. <...> Абен-Яшар был единственным тогда опытным и образованным педагогом, обучавшим юношество основательному знанию библейского языка, богословия, литературы и философии. Тогдашние руководители евпаторийского караимского общества, предвидя его близкую кончину, упростили его подготовить из бедных юношей нескольких опытных преподавателей, которые могли бы его впоследствии хотя бы отчасти заменить в области преподавания богословия и древне-библейской литературы. <...> Его ученики, покидая школу, хорошо знали язык библии, логику, богословие, философию, литературу [Дуван 1911: 65].

Итак, подводя итог тому образу Авраама Луцкого, что сложился в караимской историографии и мемуарной литературе, отметим, что везде он показан как представитель духовной элиты караимского общества *par excellence*, чьи достижения как в области религиозного законодательства, так и в области образования, безоговорочно признавались окружающими. Здесь же заметим, что Луцкий явно выбивается из ряда караимских интеллектуалов своего времени — его образ не равен фигуре типичного представителя духовного сословия. Он финансово независим и держится особняком в караимской элите, он не скрывает своего превосходства над другими и не считает зазорным нарушать принятую норму показного смирения.

Понять, насколько эта «формула успеха» в биографии Авраама Луцкого соответствует исторической реальности, а не является ретроспективным восприятием его образа у последующих поколений, склонных к преувеличению заслуг предшественников, помогает ряд документов, принадлежащих перу самого Авраама Луцкого или имеющих к нему непосредственное отношение,

которые сохранились в отделе редких книг и рукописей Российской государственной библиотеки. Эти документы, как, собственно, и все архивные материалы караимского происхождения в РГБ, попали туда еще в конце 20-х годов XX века, когда в Крыму была расформирована караимская национальная библиотека «Карай битиклиги» («Караимская библиотека»), созданная в 1915 году в Евпатории на основе архива Караимского духовного правления. К ним относятся поздравительное письмо феодосийской общины по случаю возвращения Абен Яшара в Евпаторию, написанное феодосийским хаззаном Йегошуа Когеном в 1833 году, «Объявление об устройстве обучения» со списком учеников частной школы-мидраша, написанное Луцким в середине 30-х годов XIX века, докладная записка «Организация мидрашей» 1840 года и его письмо сыну в Стамбул 1837 года. Несмотря на то что в нашем распоряжении в настоящее время есть столь незначительное число архивных документов, имеющих непосредственное отношение к Аврааму Луцкому, они, как мы попытаемся показать ниже, вполне подробно освещают центральные аспекты деятельности Луцкого во второй половине 30-х годов XIX века, то есть тогда, когда, собственно, и складывается «формула успеха» его общинной карьеры.

Панегирик в честь возвращения Авраама Луцкого в Крым, написанный феодосийским хаззаном Йешуа Когеном, дает точную датировку его возвращения в Крым — 1833 год. В соответствии с жанром письмо представляет собой стихотворение, в котором большая часть текста состоит из славословия в честь общины, а само поздравление главного персонажа дается в самом конце. Автор строит свое поздравление в виде концентрических кругов, сходящихся к центру — Аврааму Луцкому. Вначале он упоминает караимскую общину Евпатории как собрание мужей, которые

возводят крепкую ограду для охраны сада, где заседают для окончательного суда, где каждый из вас прилагает усилия и старается установить истинный Закон, что есть Закон, полученный из огненного куста (то есть Письменная То-

ра. — М. Г.). Вы ищете, изучаете и занимаетесь [при свете] двух свечей: свеча Закона по правую руку от вас, по левую руку свеча просвещающей мудрости³.

Далее он упоминает светского главу общины Симху Бабовича, что «поставлен над нами “великий князь” для спасения и как твердыня в худые времена»⁴. Как знаковое событие в жизни евпаторийской общины Коген восхваляет возвращение Иосифа-Соломона Луцкого из Иерусалима: «вернулся Б-г в дом народа своего, когда вернулся учитель праведности <...> пусть он станет учителем истинным (намек на акроним Иосифа Луцкого — Яшар, то есть прямой, истинный. — М. Г.), чтобы установить венец Закона, когда он вернулся из Иерусалима»⁵. Такое построение текста поздравления превращает возвращение Авраама Луцкого в Евпаторию в закономерный шаг в передаче «цепи традиции».

Велика слава мудреца Абен Яшара, просветляющего, так как прибыл [в Крым] его отец и он вместе с ним и воссиял свет при его рождении, определилась его [жизненная] позиция <...> вернулся мудрец Авраам Еру[шалми] <...> чтобы просвещать Израиль, чтобы они познали милость и истину, когда он будет учить в своей общине, чтобы они прилепились к миру и праведности, когда он будет учить сынов Йехуды Закону, то увеличится его радость, так как Авраам [способен] обучить Закону и мудрости⁶.

Здесь Авраам Луцкий предстает как продолжатель семейной традиции, как известный галахический авторитет и преподаватель. То обстоятельство, что он упоминается в одном ассоциативном ряду вместе с Симхой Бабовичем и Иосифом-Соломоном Луцким, даже с поправкой на жанровое своеобразие документа, определенно свидетельствует, что уже в начале своей карьеры

³ РГБ ОР. Ф. 182. Д. 452. Л. 1.

⁴ РГБ ОР. Ф. 182. Д. 452. Л. 1.

⁵ РГБ ОР. Ф. 182. Д. 452. Л. 1.

⁶ РГБ ОР. Ф. 182. Д. 452. Л. 1.

в Крыму он воспринимался как законный представитель общинной элиты.

Весьма интересно с точки зрения понимания роли Абен Яшара в системе караимского традиционного образования во второй трети XIX века его «Объявление об обустройстве обучения» (1835)⁷, представляющее собой детальный проект по устройству талмуд-торы (общинного бесплатного училища) в Евпатории. «Объявление» было подано на имя главы общины Симхи Бабовича, и учитывая слабое знание иврита последним, текст был написан на караимском языке. К проекту был приложен список учеников частной школы-мидраша Авраама Луцкого с отчетом об их успеваемости⁸.

Всего в мидраше Луцкого обучалось двадцать три ученика, и судя по всему, это и была знаменитая «высшая школа богословия и древне-библейской литературы», где «его учениками состояли дети богатых караимов», о которой упоминают Я. Дуван и И. Синани. Судя по списку учеников, в этом мидраше действительно учились отпрыски элиты караимской общины Евпатории: во главе списка стоят сыновья Симхи Бабовича — Эмануэль и Шмуэль, с припиской «сыновья князя», и его брат и будущий глава караимов Крыма Бабакай (Нахаму) Бабович, которому на тот момент исполнилось 35 лет (!), правда, находившийся на весьма продвинутой ступени изучения Галахи. Кроме того, в списке мы находим сыновей торговых партнеров Авраама Луцкого: Ицхака Когена-Айваза и Йехуды Мичри⁹. Такой исключительный набор учеников свидетельствует о действительно высоком (а не только панегирическом!) статусе Авраама Луцкого как педагога. Представляется, что именно столь исключительное положение в общине позволило ему обратиться к С. Бабовичу с весьма амбициозным и рискованным проектом устройства талмуд-торы.

Заметим здесь, что талмуд-тора, то есть бесплатное общинное училище, никогда не являлась элементом традиционного кара-

⁷ РГБ ОР. Ф. 182. Д. 454. Л. 5.

⁸ РГБ ОР. Ф. 182. Д. 454. Л. 6.

⁹ РГБ ОР. Ф. 182. Д. 454. Л. 6.

имского образования, для которого была характерна система частных школ-мидрашей. Талмуд-тора была частью традиционного раввинистического образования, как в Восточной Европе, так и в Османской империи. Так, знаменитая талмуд-тора в сефардской общине Салоник в Новое время была центром духовной жизни общины и играла важную роль в восприятии Салоник как «Иерусалима на Балканах». Поэтому неудивительно, что уже в первых строчках своего обращения к Симхи Бабовичу Луцкий весьма осторожно указывает на новизну возможного предприятия.

Вы устно дали разрешение, чтобы я изложил свое понимание порядка [преподавания], так как это будет весьма полезным. Однако будучи сам неопытным [в этом вопросе], я также и сам нахожусь в сомнениях [по поводу предлагаемых реформ]. Возможно, позднее вам [этот порядок] покажется неприемлемым, чтобы, по воле Бога, не вызвать недовольства [общества]. Так как, в действительности, эти порядки [преподавания] не были [характерны] для нашей нации и обычаев. Я вижу своей обязанностью, чтобы письменно ознакомить вашу светлость с моими соображениями по этому вопросу. После того как вы обратите внимание/разберетесь [с этим вопросом]: [что] ценное? [чего] не хватает? и какой порядок [преподавания] не подходит? Или же если я что-то не продумал, что-то необходимое еще не сформулировано, то я готов к вашим замечаниям¹⁰.

К основным новшествам в устройстве талмуд-торы в сравнении с традиционной школой-мидрашом нужно отнести следующие характеристики. Ее размер — она должна была принять после вступительного экзамена, который должны были провести Авраам Луцкий с отцом, около 60 учеников. В этом случае талмуд-тора во главе с Авраамом Луцким могла «подмять» под себя всю образовательную систему не только евпаторийской общины, но и всех общин Крыма в целом. Появление столь большого по меркам караимских общин того времени учебного заведения,

¹⁰ РГБ ОР. Ф. 182. Д. 454. Л. 5.

отсутствие платы за обучение и репутация самого Абен Яшара как виднейшего педагога — все это привело бы к массовому исходу талантливых учеников из общинных мидрашей и постепенной деградации этих учебных заведений. Видимо, именно из-за возможной негативной реакции многочисленных *меламдим*, обладавших известным влиянием в общинах, Луцкий делает оговорку: «...чтобы, по воле Бога, не вызвать недовольства [общества]».

Вторым новшеством являлась разбивка всех учеников на классы, что было нехарактерно для традиционного мидраша, где обучение, скорее, делилось на основе изучаемой части религиозного канона (алфавит — чтение Торы с традиционным переводом (тафсир) — чтение Пророков и Писания с переводом — галахические сочинения и библейские комментарии). Такое устройство учебной программы мидраша предполагало, что каждый ученик переходит к следующему «предмету» после усвоения предыдущего. Временные рамки обучения в мидраше ограничивались только жизненными требованиями: если отец ученика считал, что тот вполне вырос, чтобы присоединиться к семейному предприятию, то обучение заканчивалось. В талмуд-торе всего должно было быть пять классов с вполне традиционной градацией изучаемых предметов: первый класс — алфавит, второй — «Тора и ее перевод», третий — «Книги Пророков и Писания с их переводом. К этому весьма необходимо знакомить с основами грамматики, но кратко (и не только с глаголами)», четвертый — «правила грамматики, “Руах хен” (“Дух милости”, анонимный комментарий на “Путеводитель колеблющихся” Маймонида. — М. Г.), философия», пятый — «“Мивхар” (“Книга избранного [комментария]” Аарона б. Иосифа. — М. Г.), “Морэ” (“Путеводитель колеблющихся” Моисея Маймонида. — М. Г.) и причислить к этим похожие хорошие книги». Как видно, в трактовке Авраама Луцкого караимское образование испытало сильное влияние сефардской традиции — в последних классах наряду с классикой караимской религиозной мысли предлагалось изучать философско-моралистические произведения раввинистического иудаизма. Здесь же отметим, что обучение в первом классе не было ограни-

чено по времени: «...со второго класса и старше, так как пока не усвоят хорошо *Микра* (Тору. — *М. Г.*) во второй класс не будут переходить»¹¹.

Кроме разбивки на классы, Луцкий предлагает сделать более формализованным и распорядок дня.

В начале каждого месяца на стене нужно вешать расписание, чтобы каждый класс приходил в свое время: сколько часов [идут занятия], с какого часа будут читать, будет записано в какое время чтение, когда чистописание, когда уходят на обед. Согласно ежедневным правилам, время учебного процесса (досл. «служба». — *М. Г.*) [в] каждом классе у разных учеников не будет совпадать. Но когда один из них читает, другие его чтение будут отмечать, другой же будет писать, а другой пойдет на обед¹².

Наиболее радикальным в нарушении канонов традиционного образования было предложение Авраама Луцкого о преподавании арифметики. Смысл этого нововведения вполне ясен: преподавание такого практически значимого предмета, как арифметика, повышало шансы талмуд-торы в конкуренции с традиционным мидрашом.

Будет еще один класс. Для арифметики. Реальность [в том,] что в больших классах каждый день [в течение] одного часа [ученики] будут учить [арифметику]. Однако я полагаю, что было бы подходящим, если каждый ребенок за год до окончания мидраша получил бы знания [по арифметике], а в последний год занимался [арифметикой] самостоятельно, чтобы окончательно и хорошо разобраться [в ней]¹³.

Новизна предложения подчеркивается и тем, что именно по этому пункту своего проекта Авраам Луцкий просит административной поддержки со стороны Симхи Бабовича:

¹¹ РГБ ОР. Ф. 182. Д. 454. Л. 5.

¹² РГБ ОР. Ф. 182. Д. 454. Л. 5.

¹³ РГБ ОР. Ф. 182. Д. 454. Л. 5.

Кроме того, я боюсь, что у всех детей не будет времени подробно её (арифметику. — М. Г.) изучать каждый день. Ну, я не знаю, вот если бы вы сказали, чтобы каждую неделю определили один день для самостоятельного [изучения] её, но [для этого] нужен ваш приказ¹⁴.

О том, что проект Авраама Луцкого был воспринят благосклонно адресатом, свидетельствует тот факт, что уже в 1836 году было напечатано двуязычное (караимский и иврит) анонимное «Обращение [к караимским общинам]» [Mesirat 1836], в котором развивались идеи реорганизации караимского традиционного образования. Любая публикация «Общества караимского книгопечатания» должна была получить одобрение от Симхи Бабовича, который финансировал работу типографии. Поэтому сам факт публикации «Обращения» свидетельствовал о крайне благожелательном отношении к реформе образования со стороны первого лица караимской общины. «Обращение» открывается резкой, в духе восточноевропейской Гаскалы, критикой существующего положения вещей в системе традиционного образования. Для исправления ситуации предлагается создать в Евпатории общую для всех общин Крыма школу-мидраш на 400 (!) учеников, где будут обучать не только традиционным предметам, но также арифметике и русскому языку. Кроме этого, при школе должна быть построена типография. Нельзя утверждать наверняка, что автором «Обращения» был Авраам Луцкий, но то, что оно исходило из круга луцких мигрантов и его «Объявление» послужило исходной точкой, не вызывает никакого сомнения.

Идея реформы караимского образования обсуждалась в караимской общине вплоть до 1840 года. Именно этим годом датируется писарская копия анонимной докладной записки на караимском языке, озаглавленной «Организация мидрашей»¹⁵. В данном случае мы с высокой долей вероятности можем пред-

¹⁴ РГБ ОР. Ф. 182. Д. 454. Л. 5.

¹⁵ РГБ ОР. Ф. 182. Д. 454. Л. 12.

положить, что автором этого документа был именно Авраам Луцкий. Основанием служат стилистические особенности текста. Характерной чертой письменного стиля Луцкого в личной переписке является языковая игра, неожиданное использование терминов на разных языках часто с юмористическим оттенком (подробнее об этом ниже). В тексте записки мы встречаем пример именно такой языковой игры. Так, в записке финансовые расчеты устройства мидраша даны в «серебре», т. е. в серебряных рублях, но когда автор переходит к вопросу о зарплате учителей, он неожиданно дает их в «карбованцах». То обстоятельство, что адресатом записки был Симха Бабович и такое отступление от принятой нормы мог позволить себе лишь человек, близко знакомый с всесильным Хаджи Ага и знавший, что такая «путаница» с денежными знаками может вызвать улыбку у весьма практичного Бабовича, указывает на Авраама Луцкого. Заметим, что основные положения «Организации мидрашей» совпадают с «Объявлением об обустройстве обучения» Авраама Луцкого, что опять же указывает на его возможное авторство. Отличия между документами лишь в большей детализации процесса обучения (сорок два пункта!) и весьма смелом для того времени предложении о возможном преподавании русского языка в «Организации мидрашей».

Тогда для преподавания русского языка будет [нужен] специальный учитель или же [будет] ученик, который попросит, чтобы [такой учитель] пришел в «училище» (рус.). Но [ученик должен быть] не младше четвертого класса (рус.), так как пусть он вначале выучится «святому языку» (ивриту. — М. Г.). Потом, когда он станет сведущим [в «святом языке»], то он овладеет и знанием других [языков]¹⁶.

Однако, как мы знаем постфактум, проекты создания как талмуд-торы, так и общего мидраша не были реализованы. Наиболее правдоподобное объяснение отсутствия каких-либо упоминаний о реформе образования после 1840 года состоит

¹⁶ РГБ ОР. Ф. 182. Д. 454. Л. 12.

в том, что радикальность предлагаемых реформ погубила все начинание, элита караимских общин не была готова расстаться со своей независимостью в сфере образования. Возможно, именно на этот эпизод карьеры Луцкого намекает И. Синани, когда пишет о том, что «он любил держать себя самостоятельно, не подчиняться капризам невежественных напредняков общества». Однако мы должны отметить, какое большое значение придавал Абен Яшар образованию и как далеко был готов зайти в реформе образования, заимствуя образовательные практики и литературу из раввинистической традиции, уже в первые годы своего возвращения в Крым. Обращаясь ретроспективно к истории караимского образования в XIX веке, можно утверждать, что, несмотря на неудачу во второй половине 1830-х годов, методика Авраама Луцкого стала общепризнанной уже в середине XIX века, когда выпускники его частного мидраша сами стали занимать видные позиции в системе образования караимских общин, преподавая, как Луцкий, в своих мидрашах [Пигит 1894: 11].

Письмо Авраама Луцкого сыну Моисею в Стамбул (1837)¹⁷ проливает свет на его предпринимательскую деятельность и уточняет обстоятельства семейной жизни, которые до настоящего времени были нам известны исключительно из воспоминаний его внука. Адресованное сыну письмо носит глубоко личный характер и не случайно написано на караимском языке, так как официальная переписка повсеместно шла на иврите.

В письме Луцкий выступает как глава караимского торгового предприятия, в состав которого входят родственники и партнеры-друзья. Такой «закрытый» характер торгового предприятия, куда входили лишь родственники и близкие знакомые, был характерной чертой еврейских коммерческих предприятий в Восточном Средиземноморье с раннего Нового времени [Shmuelevitz 1984: 141–152]. Основное направление торговли предприятия — это пересылка сельскохозяйственных товаров из черноморских портов Российской империи в Стамбул, где его интересы представляет сын. Луцкий, который, судя по контексту

---

¹⁷ РГБ ОР. Ф. 182. Д. 454. Л. 7.

письма, сам находится в Евпатории, активно использует торговые контакты караимов Одессы, которая к этому времени переживала коммерческий бум в качестве главного торгового порта юга Российской империи.

От меня сообщение [о том,] как в письме от десятого числа Ваадара был задан вопрос о счете покойного Бабакай и в письме Черкеза, которое у Йехуды Мичри, был задан [тот же вопрос]. [Письмо], [написанное] Авраамом Пенбеком, было получено из Одессы пароходом по почте. Я знаю, что он написал, но не вижу большой необходимости в ответе. Согласно счетам, в общих чертах, Бабакай не остался без денег, да и деньги Султанчи не пропали. Кокею [что-то] было отдано, Хаджи Ага (Симха Бабович. — М. Г.) заставил Симху подписать [договор?], что хорошо. Ты пишешь, что завтра придет корабль и прекратится [ненужная] болтовня, все прояснится в отношении того корабля, [все] прекратится. Каждый счет будет оплачен. Деньги драгоценной матушки и Султанчи они получают, или же деньги останутся у Кокея¹⁸.

Судя по контексту, прибытие корабля из Евпатории в Стамбул откладывалось на неопределенный срок, что вызвало сомнения в коммерческой успешности предприятия у стамбульской части торгового товарищества, которые и пытается развеять в письме Авраам Луцкий. Отметим здесь еще два важных обстоятельства. Во-первых, Авраам Луцкий активно использует «административный ресурс» караимской общины в своей коммерческой деятельности, заставляя через Симху Бабовича некого Симху подписать контракт. Чуть ниже в тексте письма он еще раз пытается обратиться к помощи всемогущего главы караимских общин Крыма, но, что интересно, не напрямую, а используя семейные неформальные связи.

Из-за нехватки денег в «сундуке» покойного Бабакай у меня нет никакой возможности попросить Хаджи Ага. Так как жена [лучше] понимает жену, то одного ее ответа (жены

---

¹⁸ РГБ ОР. Ф. 182. Д. 454. Л. 7.

С. Бабовича. — М. Г.) будет достаточно больше, чем тысяча моих писем. Если же Хаджи Ага (С. Бабович. — М. Г.) захочет большего, то очевидно, что он отнесется с уважением к [своей] жене. По этой причине я не пишу [ему]. А матушка и Султанчи пусть попросят, так как пока от него нет никакого ответа¹⁹.

Во-вторых, очевидно, что в своей коммерческой деятельности Авраам Луцкий активно использует капитал близких родственников. Это приданое жены («драгоценной матушки») и, видимо, приданое или деньги, отложенные под будущее приданое, дочерей Султанчи и Сарачи, написание имен которых с уменьшительно-ласкательным суффиксом свидетельствует о родственных отношениях с автором письма. Приданое жены зачастую выступало подъемным капиталом семейного предприятия в традиционной еврейской общине. Заметим здесь, что имена большинства упомянутых в тексте письма компаньонов также написаны с уменьшительно-ласкательным суффиксом, что свидетельствует о близких, неформальных отношениях между ними и автором письма.

В тексте письма Луцкий выступает как глава товарищества, который готов и может улаживать конфликты между компаньонами. Когда один из них «забывает» выплатить деньги за поставленный товар (фундук) остальным, именно Луцкий пытается разрешить финансовый спор мирным путем, организовав целую «операцию» информационного давления на нерадивого партнера.

Денег за фундук от Авраама Пенбека еще нет. Иосиф хотел его (Пенбека. — М. Г.) схватить. И мне в письме к своей жене написал, чтобы я к Пенбеку послал его «банду». Я же, однако, написал Пенбеку [только] о крайней необходимости [выплат]. Сейчас же матушка, Султанчи и Сарачи по этому поводу должны продиктовать письмо для Пенбека, а Симха Акав и его сын Йехудахи должны его подписать. Кроме этого Барух Коген, Берахачи и Кокей должны подписать его как свидетели и послать письмо в Одессу с кем-нибудь подходящим для передачи Пенбеку и для получения счетов

---

¹⁹ РГБ ОР. Ф. 182. Д. 454. Л. 7.

и денег за фундук. Если нам зададут вопрос, то мы расскажем новости, чтобы он отдал [счета и деньги]. Только я не знаю [что у] Иосифа [на уме], надеюсь, что я и его уговорю. Но [ситуации] «хватающий прихватившего [деньги]» не будет. Когда сделка пройдет, каждый получит свой «сладкий» счет²⁰.

Луцкий настолько уверен в успешности коммерческого предприятия, что готов идти на убытки в краткосрочной перспективе, чтобы удовлетворить ожидания партнеров по выплатам дивидендов.

Правда, я полагаю, что у меня образуется небольшой долг, но не настолько [большой], как они думают, потому-то долг покойного Хаджи Баба я выплатил Бейму. Согласно решению (рус.), выйдет 1300 рублей ассигнациями на общий счет.²¹

Подытоживая «деловую» часть письма, отметим, что Авраам Луцкий выступает как весьма успешный коммерсант, ведущий международную оптовую торговлю и использующий «внутренние» караимские связи как в Крыму, так и в Стамбуле. Его коммерческий успех есть следствие очевидной предпринимательской жилки, с одной стороны, и подъемного капитала, обеспеченного приданым жены, с другой. Утверждения Синани и Дувана о материальном благополучии Авраама Луцкого получают здесь зримое подтверждение.

В концовке письма Абен Яшар обращается к внутрисемейным делам, где мы встречаемся с «другим» Луцким — любящим мужем и заботливым отцом, который тоскует из-за того, что вынужден жить вдали от семьи, и обсуждает планы приезда родных в Крым.

Нет разрешения путешественнику пройти без подробного досмотра вещей в сундуке. Сообщаю, что как матушка, так и ты такой досмотр, возможно, [никогда еще] не проходили. Поэтому снова поплывете пароходом до Одессы. Я совсем

---

²⁰ РГБ ОР. Ф. 182. Д. 454. Л. 7.

²¹ РГБ ОР. Ф. 182. Д. 454. Л. 7.

не верю, что магушка и Султанчи приедут. Сколько ни пиши, все впустую! Хотя они и понимают мои аргументы, но сами не видят смысла в своем пребывании [здесь]. Однако ты обязательно должен приехать и привезти невесту, а то, что она смущается, никакой пользы не приносит. Я почтой отправил тебе расчет брачного контракта.

Стилистическое своеобразие рассмотренных выше документов свидетельствует об исключительной образованности Авраама Луцкого. Оба документа написаны на крымско-турецком караимском, если следовать классификации тюркских языков, на которых говорили караимы, предложенной профессором Генриком Янковским [Jankowski 2016: 454]. На нем, как правило, велась официальная и деловая переписка среди образованной элиты общины. «Извещение о порядке образования и просьба о разрешении от вашей милости» могут служить образцом высокого канцелярского стиля, в то время как письмо сыну — образцом частной переписки. В текстах обоих документов встречаются заимствования из русского языка. Как правило, это термины, которые отражают реальность повседневной жизни: «класс», «стул», «таможня» и т. д. Однако для Авраама Луцкого характерно использование заимствований из русского языка в игровой манере. Эта черта проявляется в полной мере в письме к сыну, где такая литературная игра вполне уместна. Так, он использует русское слово «решение», когда пишет о том, какой выйдет общий доход. Очевидно, что термин из русского языка, который у местного крымского населения ассоциировался в первую очередь с официальными властными структурами, в тексте письма должен был создавать в определенном смысле шуточный контекст для решения, которое было принято людьми, являющимися родственниками или близкими знакомыми, и поэтому являлось крайне неформальным по форме. В конце письма, передавая через сына приветы знакомым и их семьям в Стамбуле, Луцкий использует то термин на иврите — *миштаха*, то на русском — «семья». Контекст такой игры был очевиден получателю письма. При прочтении текстов представленных документов создается впечатление, что их писал человек хорошо образованный, сво-

бодно владеющий несколькими языками и склонный к литературной игре даже в текстах вполне прозаического содержания.

Подводя итог первым годам становления карьеры Авраама Луцкого в общине Крыма, можно отметить, что в его биографии уже в начале сложились несколько важных для образцовой карьеры в рамках традиционного еврейского общества составляющих: «правильное» происхождение, высокая образованность и материальная независимость. Абен Яшар воспринимался не как человек со стороны, которому надо преодолевать социальные барьеры, а как часть интеллектуальной элиты традиционного караимского общества, как законный наследник славы своего отца — Йосефа Соломона Луцкого. Достойное происхождение в восточных еврейских общинах, к которым мы можем отнести и караимскую общину Крыма рубежа веков, традиционно определяло изначально высокий социальный статус носителя хорошей родословной. Исследованные выше документы дают представление о том, что уже в 30-е годы XIX века Авраам Луцкий воспринимался как выдающийся преподаватель и галахический авторитет, учившийся не только в мидраше своего отца, но и в раввинистических йешивах Стамбула. Несмотря на неудачу его предложения по реформе традиционного образования, сама попытка такой реформы с его стороны свидетельствует о его высоком статусе в этой области и независимой позиции в общине. А независимость позиции обеспечивалась в первую очередь его материальным благополучием и умением вести дела с сильными мира сего. Благодаря этим факторам его карьера в общине была во многом исполнением религиозного долга, а не поиском достойного пропитания для традиционного интеллектуала, к каковой можно отнести «стандартную» карьеру *меламеда* в еврейской общине.

Литература и источники

РГБ ОР — Российская государственная библиотека. Отдел рукописей (Москва). Ф. 182. Оп. 1. Д. 452. Л. 1 («Письмо из Феодосии»). 1833; Ф. 182. Оп. 1. Д. 454. Л. 5 («Письмо из общины Евпатории»). 1835; Ф. 182. Оп. 1. Д. 454. Л. 6 («Письмо по поводу школы»). 1835; Ф. 182. Оп. 1. Д. 454.

Л. 7 («Письмо»). 1837; Ф. 182. Оп. 1. Д. 454. Л. 12 («Документ, касающийся школы (программа преподавания и т. д.)). 1840.

Гаммал 2013 — *Гаммал М. И.* Интеллектуалы против прагматиков: польские караимы в Крыму // Евреи: другая история / Сост., отв. ред. Г. Зеленина. М.: РОССПЭН, 2013. С. 265–286.

Дуван 1911 — *Дуван Я. В.* Мои детские и юношеские годы // Караимская жизнь. 1911. Кн. 7, декабрь. С. 64–71.

Пигит 1894 — *Пигит С.* Иггерет нидхе Шемуэл, т. е. собрание рассеянных проповедей, песен и элегий Самуила [ивр., кар.]. СПб.: Типо-литография Берман и Рабинович, 1894. 227 с.

Синани 1889 — *Синани И. О.* История возникновения и развития караимизма. Часть II. СПб.: Типография дома призрения малолетних бедных, 1889. 295 с.

Jankowski 2016 — *Jankowski H.* “Karaim and Krymchak” // Handbook of Jewish Languages / Eds. L. Khan, A.D. Rubin. Leiden, Boston: Brill, 2016. P. 452–488. DOI: 1163/9789004297357_015

Mesirat 1836 — *Mesirat Modá'a* (Обращение [к караимским общинам] [ивр., кар.]). Евпатория, 1836. 2 л.

Shmuelevitz 1984 — *Shmuelevitz A.* The Jews of the Ottoman Empire in the Late Fifteenth and the Sixteenth Centuries: Administrative, Economic, Legal and Social Relations as Reflected in the Responsa. Leiden, Boston: Brill, 1984. 202 p.

Abraham Lutzki and his Career in the Karaite Community in the Crimea: The Formative Years

Maxim Gammal

Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-0441-8303

Senior Lecturer

Institute for Asian and African Studies of Lomonosov Moscow State
University, Department for Jewish Studies

11-1 Mokhovaya str., Moscow, 125009, Russia

Tel.: +7(495) 629-43-49

E-mail: max_hammal@yahoo.com

DOI: 10.31168/2658–3356.2022.3

Abstract. Abraham Lurzki (1792–1885) is portrayed in the traditional Karaite historiography as the leading scholar, educator and towering authority in the first half of the 19th century. He was a second-generation Lutzk émigré, hailed from a distinguished family of the Karaite scholars who had arrived in the Crimea in the early nineteenth century. His major contribution to the Karaite community at whole was his activity in the realm of the traditional education: his beit-midrash was the leading educational institution of the time. Hitherto this widely accepted view is based on only two independent sources: a very sketchy biography of Abraham Lutzki by Isaac Sinani and the memoirs wrote by his grandson Jacob Duvan. Needless to say that both sources are hagiography by their nature and therefore not very reliable ones. This paper seeks to establish the key features of the social standing and career of Abraham Lutzki in the Karaite community of the Crimea in its formative years. An attempt is made by utilizing new archival (mostly personal and administrative character) from the Manuscript Department of the Russian State Library.

Keywords: Crimea, Karaites, Karaite community, traditional education, Abraham Lutzki

References

Gammal, M., 2013, Intellektually protiv pragmatikov: polskie karaimy v Krymu. *Evrei: drugaya istoriya* [The Jews: another History], ed. G. Zelenina, 265–286. Moscow, ROSSPEN, 431.

Jankowski, H. 2016, Karaim and Krymchak. *Handbook of Jewish Languages*, eds. L. Khan and A.D. Rubin, 452–488. Leiden, Boston, Brill, 760. DOI: 10.1163/9789004297357_015

Shmuelevitz, A. 1984, *The Jews of the Ottoman Empire in the Late Fifteenth and the Sixteenth Centuries: Administrative, Economic, Legal and Social Relations as Reflected in the Responsa*. Leiden, Boston: Brill, 202.